

Erzurum ve çevresinin dip tarihi (preshistor ve protohistuari). Phil. Dr. HÂMIT ZÜBEYİR KOŞAY, Turk Kültürünü araştırma Enstitüsü, Ankara, 1984, 59 s.

Доктор философии АМИД ЗУБЕИР КОШАЙ, Древняя история Эрзурума и его окрестностей (предыстория и протопреистория), Анкара, 1984, 59 с.

Рецензируемая работа посвящена не проблемам изучения древней истории и памятников Эрзурума, а представляет собой пасквиль на историю многих древних племен и современных народов, которые непосредственно связаны с территорией современной Турции. В небольшом введении А. З. Кошай уточняет географические границы своего исследования и по непонятной нам причине в район Эрзурума включает обширные регионы почти всей Восточной Турции.

Первый раздел этой работы посвящен древнейшим памятникам исследуемого региона. Автор перечисляет некоторые памятники эпохи палеолита—неолита. В частности, он указывает на изученную профессором Питером стоянку Перия близ Адьямана и Каранскую пещеру, исследованную турецким археологом К. Кёктеном. Значительно больше места он уделяет древнейшему населению Анатолии и Армянского нагорья. По его мнению, в эпоху неолитической революции произошло интенсивное развитие этого обширного края, где, судя по материалам Чатал-Уюка (который, как известно, не находится в регионе Эрзурума), эта революция «осуществлялась пришедшими с востока короткоголовыми, которые, смешавшись со средиземноморским населением Чатал-Уюка, подняли культуру этого региона, бывшую до того времени в темноте» (с. 11). Здесь автор не выявляет ничего нового, а следует общепринятой определенными кругами Турции исторической концепции, не выдерживающей никакой научной критики. Как уже давно отмечал один из ведущих специалистов по палеолиту В. П. Любин, «совершенно неприемлемы методологические установки, которыми руководствуются в своей работе турецкие буржуазные историки и археологи. Вопреки общепризнанным фактам, они стараются доказать, что турки исконно населяли Малую Азию, что они являются самым древним народом на земле, создавшим так называемую первоначальную человеческую культуру, культуру, в понятие которой включается и культура каменного века»¹. Касаясь упомянутых А. З. Кошай материалов из Перина и других пунктов обширной области меловых отложений, простирающихся от Армянского Тавра, берегов Средиземного моря до гор Диярбекира, В. П. Любин пишет: «Принимая существо этих фактов и выводов и отбрасывая такие, явно отдающие расизмом и пантюркизмом термины, как «турецкая палеолитическая культура» или «турецкая культура неолита», следует признать, что этот первый, весьма скромный верхний палеолитический материал с территории Малой Азии является составной частью средиземноморско-африканской верхней палеолитической области»².

Автор рецензируемой работы сообщает также, что в горах Восточной Анатолии найдены сотни наскальных изображений, основную часть которых он сравнивает с разновременными памятниками Арагаца, Кобыстана и Альп, датируя их мезолитической эпохой. Подобное произвольное сравнение с указанными памятниками не дает возможности установить не только датировку, но даже и сюжеты этих изображений.

¹ В. П. Любин, Палеолит Турции и проблема раннего расселения человека (Советская археология, 1957, № 27, с. 71).

² Там же, с. 74.

Следующий раздел работы Кошая посвящен памятникам эпохи бронзы, в котором он фактически описывает лишь памятники эпохи ранней бронзы, датируемые 3 тыс. до н. э. Здесь автор из памятников на территории Турции (кроме собственных раскопок) «забывает» упомянуть памятники, раскопанные при постройке Кебанского водохранилища и исследованные в различных районах Армянского нагорья (Восточной Турции) Ч. Барнсем. К тому же, при определении ареала распространения куро-аракской культуры, которую он называет транскавказской, автор не упоминает обширных территорий Советского Азербайджана, Дагестана, Чечено-Ингушетии, где также была распространена культура «Куро-Аракса». Между прочим, указывая на великолепные находки этого времени из триалетских курганов, он говорит лишь о раскопках конца 50-х годов, приписывая все это уже покойному в то время Б. А. Куфтину, который проводил раскопки в Триалети в 30-х годах, а его монография «Археологические раскопки в Триалети» была опубликована в Тбилиси в 1941 г. Что же касается вышеуказанных им раскопок в Триалети, то эти материалы были опубликованы также в Тбилиси, но уже в 1960 г. известным советским археологом О. М. Джапаридзе.

Кроме поселений куро-аракской культуры, автор выделяет памятники так называемой курганной культуры, носителями которой, по его мнению, являлись кочевники, прародиной которых являлись Северо-восточные районы Хазарского моря. Причем, здесь он делает «сенсационное» открытие. Оказывается, в III тыс. культуру этих кочевников представляли скифы, а позднее — киммерийцы. Постепенно эти племена просачивались в Восточную Анатолию, а далее — на запад. Без какого-либо перехода, но явно подразумевая скифов, автор сообщает, что эти племена — «носители металлической культуры» — проникают в Аладжа-Уюк и господствуют над местными хатскими племенами. Бедные жители Аладжа-Уюка, они не знали, что их великолепная малоазийская культура с богатыми традициями металлического производства, насчитывающая к воображаемому автором моменту прихода кочевников уже несколько тысячелетий, будет турецкой историографией приписана восточным кочевым племенам! Однако «открытие» А. З. Кошай этим не ограничивается. Оказывается, на аладжа-уюкскую культуру оказала непосредственное влияние майкопская культура. Для придания убедительности своим заявлениям А. З. Кошай указывает на пути проникновения этой культуры через Черноморское побережье в Триалети. По его мнению, не только майкопская, но и триалетская культура были культурой кочевников. А знаменитые триалетские курганы являлись стоянкой этих кочевников, где они хоронили своих вождей, умерших во время дальних походов. Триалетская культура, изученная десятками крупнейших советских и зарубежных ученых, действительно связывается как с Аладжа-Уюком, так и с другими малоазийскими памятниками, являясь составной частью малоазийско-закавказского культурного мира. Что же касается майкопской культуры, то она была распространена от Таманского полуострова до Дагестана и не только не оказывала влияния на культуру Аладжа-Уюка, а, наоборот, сама испытывала влияние месопотамских культур³.

Для того, чтобы окончательно поставить точки над «и» и объяснить своим читателям, кто же эти кочевники, А. З. Кошай относит к курганской культуре бронзового века Алтайские курганы, скромно умалчивая о том, что курганы датируются VII—V вв. до н. э. Следовательно, они не могли оказывать влияние на культуру Аладжа-Уюка, Майкопа и Триалети, а, тем более, проникнуть через Северный Кавказ в Малую Азию. Закончив этими скупыми и фальсифицированными сведениями «изучение» памятников эпохи бронзы, он переходит к изучению истории Урарту, что делает весьма своеобразно, упоминая разрозненные факты о создании государства, письменности, о тех или иных походах царей Менуа, Аргишти I, Сардури II. Фактически, все это требовалось автору не для изучения истории, а для того, чтобы показать появление в Урарту киммерийских племен, которым посвящена почти одна треть этого раздела. Все это делается с целью доказать, что Урар-

³ Р. М. Мунчаев, Кавказ на заре бронзового века, М., 1975, с. 334.

ту, как и многие древневосточные государства, погибло, не оказав какого-либо политического и культурного влияния на другие народы. Автору невдомек, что советская историография уделяла большое внимание этой проблеме, и что в наши дни общепризнано, что уарты (алароды), несомненно, вошли в состав древнеармянского этноса, наряду с носителями протоармянского языка индоевропейской семьи⁴.

Продолжением этого раздела является следующий, посвященный киммерийцам. Упомянув данные Геродота о скифах и киммерийцах, он переходит к тому, что по новейшим данным турецкой историографии, в частности по книге М. Танер-Торгана («Проблемы киммерийцев в древности», опубликована в материалах I тома 8 Конгресса турецкой истории, Анкара, 1979), киммерийцы являлись турками. Проблема этнического происхождения киммерийцев, как известно, до настоящего времени не решена. На их языке сохранилось несколько имен, которые имеют явно иранское происхождение⁵, что в свое время дало основание В. В. Струве считать киммерийцев иранскими племенами⁶. Однако не только язык, но и изучение материальной культуры позволили одному из известных советских археологов А. И. Тереношкину прийти к выводу, что киммерийцы и по своей материальной культуре являются одним из древнейших иранских народов Евразии⁷.

Отуречив киммерийцев, автор с таким же успехом переходит к скифам. Выше мы уже отмечали, что А. З. Кошан, рассматривая курганную культуру, появление скифских племен в Передней Азии относит к III тыс., что явно не выдерживает никакой научной критики. В отношении скифов автор более осторожен и заявляет, что в их культуре, бесспорно, присутствуют турецкие и иранские элементы. Обезопасив себя, таким образом, от критики, он ссылается на проф. А. Зеги Велиди Тогана, который в предисловии к изданию всеобщей турецкой истории доказывает, что саки (следовательно, скифы) являлись турецкими племенами. Автор с сожалением упоминает, что Тоган, незадолго до смерти, выступил в Тегеране с докладом о саках, который надо издать для изучения истории анатолийских турок до принятия ими ислама. Таким образом, устами Тогана он доказывает, что скифы являлись турками и обитали на территории Анатолии. Ему, видимо, не известно или он просто не желает знать, что в советской и мировой историографии скифы считаются ираноязычным народом, о чем приведены многочисленные факты у таких крупнейших ученых, как Б. Н. Граков⁸, М. И. Артамонов⁹, Б. Б. Пиотровский¹⁰, И. М. Дьяконов¹¹, Д. С. Раевский¹² и др. А. Кошаю необходимо было отуречить скифов для того, чтобы живущих в Анатолии курдов считать потомками скифов-саков и, следовательно, попытаться отуречить не только древние, но и современные народы, проживающие в Турции. Для обоснования своей теории о турецком происхождении курдов он пишет, что живущие в отдельных районах Восточной Анатолии крмачены являются турками-курдами. При этом он ссылается на «досконально» изучившего историю, фольклор, социальную историю курдов проф. М. Фагреди Кизил-Оглы, который в I томе изданной в 1964 г. в Анкаре книги «Во всех отношениях турки-

⁴ А. П. Новосельцев, Древнейшие государства на территории СССР (некоторые итоги и задачи изучения) (История СССР, 1985, № 6, с. 87).

⁵ И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, с. 238—240.

⁶ В. В. Струве, Анийская проблема (Советская этнография, 1947, № 6—7, с. 120).

⁷ А. И. Тереношкин, Киммерийцы, Киев, 1976, с. 211.

⁸ Б. Н. Граков, Скифы, М., 1971, с. 22.

⁹ М. И. Артамонов, Сокровища скифских курганов в Собрании Государственного Эрмитажа, Прага—Л., 1966, с. 10, 15.

¹⁰ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, с. 248; его же, Скифы и Уарту. Доклад, прочитанный на 2 Международном симпозиуме по армянскому искусству, Ереван, 1978, с. 9.

¹¹ И. М. Дьяконов, указ. соч., с. 242.

¹² Д. С. Раевский, Модель скифского мира, М., 1985, с. 7.

курды» считает живущих в Турции курдов потомками скифов-саков, а, следовательно, турками. Дополняя выводы М. Фагреди, Кошай утверждает, что курды — это турки, живущие в отдельных районах Восточной Анатолии. Последнее одновременно свидетельствует о том, что в Анатолии существовали древние турецкие государства.

Пожалуй, самой трудной задачей А. З. Кошай было изложение истории армянского народа, с которой он «блестяще» справился. Уделив армянам больше места, чем остальным народам (4 страницы), автор, по вполне понятным причинам, основное внимание в своем «капитальном труде» уделяет древнему и, частично, средневековому периодам. Свое «исследование» об армянах он начинает еще в разделе Урарту сообщением о том, что они двигались не с Кавказа (как будто кем-либо выдвигалась подобная гипотеза), а с запада вместе с фригийцами. Другим, не менее «блестящим» открытием автора является его утверждение о том, что армяне гордятся на иранском, применяя при этом отдельные элементы албанского (арнаутского) языка. Для придания объективности своим суждениям он упоминает о том, что якобы имеются версии о более древнем проживании армян в районе Эрзрума и Ерзнка, где, согласно хеттским источникам, жили племена хаяса-аззи. Сообщив читателям эту версию, А. З. Кошай тут же, сходу, отвергает ее, заявив, что хотя армяне и могли получить свое политическое название от имени этого племени, но оно, по-видимому, произошло гораздо позже, точно так же, как славяне свое (русское) название получили от какого-то шведского племени.

Покончив с происхождением армян, автор переходит к их древнейшей истории, которая занимает буквально полторы страницы. Он лишь упоминает Оронтосов (Ерванда) I и II, Армавир, сражение с Александром Македонским в Оронтошате (Ервандашате). При смене династии, по его словам, Артаксес I переносит столицу в зараженный малярией город, путая при этом, что Арташат был заражен малярией гораздо позже, в связи с чем столица была перенесена в Двин. Он упоминает также Тиграна и основание Тигранакерта, говорит о митридатских войнах, в которых участвовал Тигран, и о захвате Каппадокии.

Завершив, таким образом, целую эпоху древней истории Армении, автор сообщает о захвате Арташата римлянами, хотя Арташесидскую династию, по непонятным причинам, он доводит до 428 г. и здесь лишь упоминает, что Св. Григорий распространяет в Армении и Грузии христианство. К 428 г. у него появляется неизвестная нам династия Хосровидов, которая правила еще два века. Ликвидировав Аршакидскую династию и Марзпанский период истории Армении, автор сообщает, что в 1045 г. Константин Мономах уничтожил Анийское княжество Багратидов. Затем он сообщает, что в 1064 г. турки-сельджуки через Иран проходят в Анатолию и в 1071 г. берут в плен византийского императора Романоса Диогенеса. А армяне в это время создают в Киликии новое княжество и с помощью крестоносцев им удается продержаться до 1375 г., когда египетский мамлюк султан ликвидирует это княжество. Далее он пишет, что армяне пытались создать какие-то княжества, но под ударами мидийцев, персов, понтийцев, сасанидов, византийцев, мусульман-арабов были раздавлены. Находясь под господством сельджуков и османцев, армяне расселились по крупным городам, где вели благоустроенный образ жизни в усвоили османскую культуру и быт, а их вторым языком стал турецкий. Во время первой мировой войны, по мнению автора, армяне, подчиняясь интригам других государств, в самый тяжелый для турок момент восстали, по этой причине и армяне и турки понесли большие потери. Вот как! Оказывается, не было ни национально-освободительных движений, ни султана Гаида, ни геноцида, уничтожившего почти все армянское население Западной Армении.

Завершив историю Турции и историю народов, населяющих ее, автор переходит к изучению памятников Эрзрума, которым он уделил 6 страниц. Но и здесь основное внимание он обращает не на археологические памятники, а на различные пиктографии. Несколькими словами он описывает раскопки Пулура, Караза и сообщает, что здесь были найдены материалы ранней бронзы и халкалита, а также перечисляет не только находки в виде керамики, статуэток птиц, обсидиановых ору-

дый, передвижных и стационарных очагов. Автору неизвестно, что советские ученые К. Х. Кушнарева¹³, Т. М. Чубинишвили¹⁴, Р. М. Мунчаев¹⁵ и др., анализируя материалы его же раскопок, произведенных в указанных памятниках, сделали гораздо большее в классификации и интерпретации этих материалов.

В небольшом заключении А. Кошай констатирует, что древнейшим населением Восточной Анатолии, начиная с неолита, были субарийцы, хурриты и урарты, из которых время здесь проживали мидийцы, армяне, персы, киммерийцы, а также турки, которые проникли в Анатолию до принятия ислама и охристианились под влиянием византийских миссионеров. И проникшие сюда сельджуки встретили уже охристианившихся турок.

Таким образом, А. Кошай, фактически, продолжает традицию многих турецких исследователей, еще раз делая попытку считать турок исконным населением Анатолии, пресмником древневосточных культур, попутно отуречивая другие народы, некогда проживавшие на территории современной Турции.

С. А. ЕСАЯН,
доктор ист. наук

Г. С. КИЛИМДЖАН,
канд. ист. наук

¹³ К. Х. Кушнарева, Т. М. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа, Л., 1970, с. 67—68.

¹⁴ Т. М. Чубинишвили, К древней истории Южного Кавказа, Тбилиси, 1971, с. 110—111.

¹⁵ Р. М. Мунчаев, указ. соч., с. 155—157.